

Социальная символика одежды в свете русской языковой традиции

Дериваты от наименований одежды и обуви, а также фразеологизмы, включающие такие наименования, зачастую оказываются связанными с обозначением разного рода социальных отношений. Они могут маркировать материальное положение. Так, названия разных видов одежды и обуви содержат коннотацию богатства (например, *сапоги*) и бедности (*лапти*): омск., тобол., новг. *из лаптей не выходить, лаптями трясти* 'жить в бедности, нужде', новг. *из сапог в лапти 'обеднеть'*, новг. *в сапогах* 'тот, кто имеет деньги, богат, не нуждается'. Критерием разграничения богатых и бедных становится также качество одежды: если бедные слои населения носили одежду из серой, некрашеной ткани (*Мужик хоть и сер, да ум-то у него не черт съел; Хоть кафтан и сер, а ум не черт съел*), то состоятельному человеку был доступен кафтан из крашеного сукна – синего или зеленого: *кафтан зелён, да бит ежедён* 'о шеголе', *пуст карман, да синь кафтан* 'то же'; *Каков ни есть, а в синем (кафтани)*. Эти факты проливают свет на внутреннюю форму поговорки *Враг силен, валяет и в синем*, которую В. И. Даль сопровождает комментарием «т. е. в синем кафтане, и богача» [см. об этом: Жуйкова, 2007, 328–331].

Активно используются дериваты от наименований одежды и обуви при обозначении принадлежности к определенному сословию. Это, например, дворянство или непривилегированные классы (ср. формулировки В. И. Даля: *бархатник* 'кто в шелки одевается, дворянин', *сермяжник, сермяжница* 'мужик, мужичка, крестьянин', *блузник* 'название, данное у нас чужеземной черни, особенно французской, которая обычно ходит в блузах'), военные или канцелярские служащие (*синие мундиры* 'жандармы в дореволюционной России, носившие форму синего цвета', *под красной шапкой* 'в армии (служить, находиться и т. п.)', и *за светлой пуговицей душа (совесть) живет* 'о приказных', т. е. «и у чиновников может быть душа»).

Наименования одежды и обуви имеют также гендерные коннотации: арх. *ступить лаптем (в дом)* 'родить первой девочку', арх. *ступить сапогом (в дом)* 'родить первым мальчиком'. Гендерная семантика может получать дополнительную конкретизацию: «одежно-обувной» код используется для обозначения социального поведения мужчин и женщин, ср. коми (рус.) *трясти сарафаном* 'вести разгульную, распутную жизнь (о женщине)', простореч. *трясти штанами* 'вести аморальный образ жизни, распутничать (о мужчинах)'.

Важное место в комплексе семантических дериватов и фразеологизмов, в основании которых лежат наименования одежды и обуви, занимают единицы, связанные с обозначением семейного положения (матримониального статуса). Смена социального статуса может быть выражена метафорой переодевания одежды, ср. перм. *снять девичью рубашку* 'выйти замуж'. Возможно также переодевание в одежду противоположного пола, ср. новг. выражение *надеть сарафан* 'насилно

женить'. На первый взгляд, здесь видна связь с новг. *сарафанник* 'парень, которого заставили жениться на опозоренной им девушке', значение которого могло развиться из *сарафанник* 'любитель ухаживать, волочиться за женщинами; волокита'. Однако можно предполагать и другой мотив: в Новгородской губернии отмечена традиция выставлять на всеобщее обозрение парня, пойманного у забеременевшей от него девушки и не желающего на ней жениться, надев на него сарафан.

Доминирующим для обозначения семейного положения является код головных уборов, отражающий, как правило, реальные традиции их ношения: олон., ср.-урал., перм. *снять (отдать) волю* 'о замужестве, выходе замуж' (*воля* – широкая лента, которую невеста дарит одной из свадебных подруг при обряде расплетания косы), костр., яросл. *непокрытая головушка (голова)* 'девушка, живущая с мужчиной без венчания', яросл. 'девушка, не выданная замуж' (головной убор, закрывающий волосы, носит замужняя женщина, девушка может ходить с непокрытой головой). Код головных уборов проявляется чаще всего в лексике свадебного обряда – например, в обозначениях свадебных чинов (новг. *колпачник, колпачный* 'один из участников свадебного обряда, который носит и хранит фуражку или колпак жениха'), элементов ситуации сватовства (пск. *шапку в лохань (вкинуть)* 'об отказе невесты при сватовстве'). Шапка как мужской головной убор может выступать в качестве символической замены жениха: орл. *сватать (засватать), посвататься за шапку* 'сватать кому-л. невесту в отсутствие жениха'; платок же символизирует согласие невесты: твер., влг. *дать плат (платы)* 'дать согласие на брак', онеж. *выручать платки* 'в свадебном обряде: получать обратно подаренный девушкой жениху платок, если она в женихе разочаровалась'.

Особую роль в свадебном обряде играла и обувь. Обувь, которую жених дарил невесте, с одной стороны, служила способом приобщения невесты из «чужой» семьи к «своей»; с другой стороны, она символизировала подчинение женщины мужчине (ср. обычай подносить обувь невесте на блюде, которое она поднимала вверх и ставила на голову в знак подчинения мужу, а также ритуальный отказ надевать обувь, полученную от жениха). Следует напомнить и о брачно-эротической символике обувания: обувь подразумевает женское начало, а нога – мужское (*Жена не сапог, намулит, так с ноги не соймешь*); само обувание обозначает брачную связь (перм. *дорогой обуться* 'забеременеть в девичестве'). Это объясняет семантику обувной метафоры в новг. *как в лапоть готовый вступить* 'удачно выйти замуж, попасть в богатую, хорошую семью', арх. *ступить в красный сапог* 'неудачно выйти замуж'. При этом негативная семантика выражения *ступить в красный сапог* связана, скорее всего, с мотивом подчинения, характерным для языкового образа *сапога*, ср. литер. *жить (находиться, держаться)* и т. п. *под сапогом* 'жить, находиться, держаться и т. п. в полном подчинении'.

Помимо символики, общей для названий разных видов обуви, у них есть и «индивидуальные» коннотации. Богатым коннотативным фоном обладает слово *лапоть*. Например, в влг. *лапти сплести* 'о невесте: отказать жениху при сватовстве' проявляется, с одной стороны, «индивидуальный» мотив обмана, измены в любви («обманутые ожидания» сватавшегося), а с другой – общая для разных наименований обуви ассоциация лаптя с дорогой, передвижением (невеста отправляет жениха обратно) [подробнее см.: Березович, 2007, 259–262].

Жуйкова М. В. Динамічні процеси у фразеологічній системі східнослов'янських мов. Луцьк, 2007.

Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М., 2007.

С. М. Толстая
Москва

Стереотип и картина мира*

На своем пути от социологии (социальной психологии) к когнитивной лингвистике и этнолингвистике понятие стереотипа претерпело существенные изменения, затронувшие как его содержание, так и форму и объем. В общем виде характер и вектор этих изменений можно определить как расширение границ. Если в социологии понятие стереотипа относилось почти исключительно к этническим, социальным, профессиональным и др. группам людей («Немцы аккуратны», «Китайцы трудолюбивы», «Мать заботлива» и т. п.), то в когнитивной лингвистике и затем в этнолингвистике оно стало применяться по отношению к любым сущностям (предметам, явлениям, событиям, лицам, животным, растениям и т. д.), с которыми человек соприкасается в своей познавательной и практической деятельности и которые получают обозначение в языке (Х. Патнэм, Е. Бартми́нский). Если первоначально стереотип понимался как некоторая «субъективная» добавка к «объективному» образу объекта, а языковой стереотип – как коннотативная (оценочная) добавка к лексическому значению слова (аккуратностью не исчерпывается образ немца и значение слова *немец*), отражающая коллективное мнение о соответствующем денотате, то впоследствии стереотип стал трактоваться как целостная «наивная теория» объекта (предмета, лица или явления), включающая не только оценочные (коннотативные, интегральные), но и категориальные (идентифицирующие) признаки («идея о том, как выглядит некий X, как он действует, каков он» – Бартми́нский), т. е. в соответствии с широко понимаемым лексическим значением (когнитивной дефиницией) слова.

При узком (социологическом) понимании стереотип имел вид суждения (мнения) о группах лиц или их представителях, стереотип в широком смысле понимается как некая ментальная (семантическая) сущность, которая может получать выражение в разнообразных языковых формах (лексическом значении слова, его словообразовательных и семантических дериватах, сочетаемости, корреляции с другими словами, этимологии, фразеологии, грамматических свойствах). Тем не менее экспликация стереотипа в этнолингвистике (когнитивная дефиниция) представляет собой совокупность суждений о предмете, реконструированных на базе всех языковых данных (например, стереотип солнца может быть представлен суждениями: «Солнце –

---

*Работа выполнена в рамках Программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» (проект «Семантическая реконструкция народной духовной культуры славян»).